

1554 г., Грозный все же провел ряд «превентивных мер», ослабляющих возможность авантюрных действий со стороны «сына четвертого удельного». Санкции 1563 г. по доносу дьяка Савлука Иванова, приведшие к пострижению Ефросинии Старицкой в монахини 5 августа того же года, закончились для князя Владимира благополучно. Царь «вотчиною своею повеле ему владети по прежнему обычаю. Бояр же его и дьяков и детей боярских, которые при нем близко жили, взял государь в свое имя и пожаловал их, который же которого чина достоин», а Владимиру дал своих людей.¹⁴² Как известно, царь действовал не самолично, но при участии Макария и «освященного собора», по их просьбе он «отдал свой гнев» на князя Владимира.¹⁴³ В 1564 г. обмен некоторыми землями с Владимиром носил хозяйственный характер, но «мена» территориями в 1566 г. показала, что в условиях опричнины, создавшей новую обстановку и новые источники недовольства правительством, Грозный усиливал строгость «превентивных мер». Можно допустить, что именно тогда, колеблясь между желанием «уничтожить» Старицких и сознанием, что такое уничтожение было бы тактически неправильно в условиях продолжавшейся войны, о чем были приняты решения на Земском соборе 28 июня 1566 г., царь дал указание не именовать в летописях Старицкого «государевым братом».

Основанием для этого допущения служит факт, что Грозный посетил архив 4, 7, 13 и 14 августа и отобрал длинный ряд документов по истории своего рода, в том числе и документы Андрея Старицкого и княгини Ефросинии, т. е. родителей князя Владимира.¹⁴⁴ Видимо, знакомясь тогда по источникам с историей борьбы за верховную власть, Грозный уже в исторической перспективе осознал, что, несмотря на свою «дурость», князь Владимир может быть не только в мечтаниях своей матери соперником царя. В марте того же года Грозный подорвал политическую силу Владимира, отняв у него Старицкий удел и заменив его Дмитровым. Теперь же, в августе, он начал идеологическое снижение его значения, начав именовать его в истории своего царствования просто «князь Владимир Андреевич», о чем свидетельствует, как заметил А. Е. Пресняков, вся Царственная книга.¹⁴⁵

Тем не менее Владимир Андреевич продолжал находиться «во чти и в урядстве» и еще 6 октября 1567 г. заседал вместе с Грозным в Боярской думе, когда они «приговорили» «с своим бояры позадержати» литовского посланника Юрия Бжовского.¹⁴⁶

Ход событий резко ускорился в ноябре 1567 г., когда во время похода князь Владимир и другой родственник царя, племянник (сын двоюродной

¹⁴² РИБ, т. III. СПб., 1876, стр. 180—182.

¹⁴³ С. Б. Веселовский. Последние уделы в Северо-Восточной Руси, стр. 107. А. Ясинский. Московский государственный архив в XVI веке, стр. 32.

¹⁴⁴ Царственная книга начата была вероятнее всего после смерти Макария в декабре 1563 г. В ней усилен «царский элемент» и тем самым ослаблен «митрополичий». Едва ли Грозный пошел на это при жизни Макария, к тому же в рамках «московской энциклопедии», идея создания которой, безусловно, принадлежала митрополиту. Как раз 1563 г. был переломным для идеологии Грозного: от идеи православного царства Иван IV шел к идее «воинствующего кесаря». Отголоском этих антиклерикальных настроений Грозного полно его послание 1564 г. Курбскому. Его главный мотив «И се ли православие пресветлое, еже рабы обладанну и повеленну быти?» (Послания Ивана Грозного, стр. 14). Так воспринимали его эволюцию и современники «Москва—третий Рим» превращалась в «Вавилон», по выражению Курбского в его письме к Васьяну Муромцеву, старцу Псково-Печерского монастыря, незадолго до бегства князя из Юрьева-Ливонского (N. Andreyev. Kurbsky's Letters..., стр. 416—417). Поскольку 1564—1565 гг. были эпохой перехода к опричнине, можно думать, что новый летописный апофеоз царству и царю—Царственная книга—начал слагаться в 1566 г., который был одной из вершин размаха царских действий

¹⁴⁶ С. А. Белокуров. О Посольском приказе, стр. 22.